«Бог послал тебе скорбь...»

(По мотивам рассказа Л. Добычина «Отец»)

Рассказ Леонида Добычина «Отец» из сборника «Портрет» (1931г.) после долгого забвения был напечатан в газете «Книжное обозрение» в 1987 году[1]. Составитель подборки, известный писатель Юрий Нагибин, сделал продуманный ход – представить новому поколению читателей, не имеющему ни малейшего представления о Леониде Добычине, именно этот рассказ. Почему? Да потому, что есть в литературе тема, которая независимо от времени, национальности и каждодневного спроса всегда вызывает щемящее чувство вины и потери. Это – книги о родителях. Все они в сущности об ощущении в себе родителей, о том, что они, умирая, остаются жить в детях и, по большому счету, о непрерывности жизни. Если о матерях сложены стихи, написаны романы, то книг-признаний в любви к отцу намного-намного меньше. А когда автор так невероятно одарен и своеобразен, так ни на кого не похож, то рождаются такие шедевры, как рассказ «Отец».

Добычинские «литературные дети» чаще всего полу-сироты. Но отсутствие отца не ощущается ими до поры до времени как трагедия. *«Этой осенью заразился на вскрытии и умер отец»* («Город Эн»)[2]. Это случилось 13 ноября 1902 года, когда будущему писателю было 8 лет. Он ощущает себя единым целым с матерью, чаще всего употребляя местоимение «мы», «у нас», «с нами»... Утрата не воспринимается им как трагедия. Вряд ли в последствии он не думал о том, что жизнь их семьи сложилась бы иначе, если бы отец был жив.

В рассказе «Матрос»[3] маленький Лешка с восторгом смотрит на диковинного матроса. У него нет отца, но есть мама, которую он ждет с дежурства, с которой они едят картошку с хлебом и постным маслом, лежат во дворе на одеяле и она перебирает пальцами в его кудлатых волосах. Они ходят купаться на реку всегда вместе – одному мать не велит. Возможно, Лешка и ощущает отсутствие папы, прибиваясь то к усатому водовозу, то к диковинному матросу, восхищаясь синим якорем на его руке и вздутыми мускулами. Жизнь у Лешки и сладкая, как пирог, который дала ему соседка, и соленая от грязи, и горькая от той травы, которую он рвал, когда шел с матерью на берег… Но за Лешку не страшно, потому что он всегда при матери.

Так почему же в рассказе «Отец»[4] так ощутимо чувство опасности, нависшее над головами мальчишек в картузиках? В кажущейся незатейливости и простоте повествования – математическая ясность и точность каждого слова. Действие рассказа начинается и заканчивается в одной точке – на кладбище, где похоронена их мать. Затем – бег на речку по горе. Они непременно должны успеть к волнам от проходящего парохода. Успели! Купание. Мытье отца (а мальчики по очереди терли ему спину, как большие). В преддверии свидания с Любовь Ивановной он играет мускулами и думает при этом: *«Но зато я не плохой отец»*. Медленный путь назад, в гору, по тропинке – и снова через кладбище, где отец оставляет мальчиков на круглой скамье, огибающей вековую липу (брянские старожилы помнят эту скамью) напротив «пузатенькой церкви с выбитыми стеклами» (кладбищенская церковь Рождества Богородицы), закрытой новыми властями к тому времени. Отец уходит на могилу матери. *«Там за кустами, где хмель, была зарыта мать.»* Он стоит над могилой без шапки и мается, как и что сказать, ведь он зашел по поводу Любовь Ивановны… А что тут можно сказать? Слово «любовь» почти не встречается в добычинских рассказах, оно существует только в виде Любовь Ивановны.

И закрадывается сомнение, не о той ли даме из другого рассказа писателя – «Ерыгин»[5] - идет речь? Ведь действие происходит практически на одной территории. И невольно вспоминается соседка Ерыгина, которая смотрит на него из окна в кисейной кофте, ощупывает закрученный над лбом волосяной «окоп», то с грацией вертит пион, то прикалывает на грудь резеду, вечером играет на рояле и смотрит в темноту. И кажется, что единственная ее функция – проверять, не развился ли «окоп» на голове и не следует ли его подвить. И наконец, *«У крыльца Любовь Ивановны соскочил верховой… Она, сияющая, выбежала»*. Кинематограф! Жених в ночи! Бедный отец! Любовь Ивановна предстает неким символом соблазна, плотского вожделения, резко антипатичного писателю…

А мальчуганам было страшно, пока они ждали его на кладбище. Они остались одни среди крестов и бумажных венков напротив разоренной церкви. *«В разбитое окошко церкви кто-нибудь мог*

выглянуть, рука могла оттуда протянуться». Чья рука? Почему в этот момент становится так жутко?

В этом месте рассказа существует некая тревожная недосказанность, которая развеялась после того, как мне стало известно о другом варианте текста. Он найден исследователем творчества писателя В.Н. Сажиным и проанализирован А.Ф. Белоусовым.

Из письма Леонида Добычина писателю и редактору Л.И. Раковскому: *«А мальчуганам было страшно. Мертвые лежали под землей. А в церкви – сидел деревянный бог, румяный, в настоящем бархатном халате с галуном и с настоящей бородой. – Стук, стук, - вдруг застучат по каменному полу деревянные шаги, и деревянная рука просунется в окно без стекол. Стало хорошо, когда пришел отец»*[6].

О чем здесь идет речь? В храмах Брянского уезда деревянные иконы действительно существовали. К святыням Петро-Павловской обители относились три деревянных резных иконы: на двух из них был изображен Святитель Николай, на третьей – Святая Великомученица Параскева[7]. В 20-е годы XX века фотограф-любитель Д. Мориц сделал их снимок. Они с любовью облачались в церковные одежды, выглядели внушительно, правдоподобно и … устрашающе. Подобные иконы существовали и в Белобережской Пустыни, монахи которой были искусными резчиками по дереву.

Свидетельств того, что такие деревянные иконы были и в Рождественской церкви, возле которой мальчики ждут отца, не найдено. Но существует протокол №38 заседания президиума Брянского исполнительного комитета от 21 апреля 1927 года.

> **П. 6. Ходатайство Брянского городского совета о закрытии кладбищенской церкви при закрытом кладбище и передаче ее для целей Губздрава.** *«Ввиду того, что для верующих кладбищенской церкви с закрытием кладбища миновала необходимость, что имеющееся наличие церквей г. Брянске вполне сможет удовлетворить религиозные нужды группы верующих, а также имея ввиду острый жилищный кризис в Брянске и невозможность подыскания под «Морг» другого помещения, согласиться с постановлением Горсовета о закрытии указанной церкви и использовании ее под «Морг»».* Председатель Афанасьев. Секретарь Семкин[8].

Морг там так и не был открыт, для этого задействовали еще один памятник архитектуры – Спасо-Гробовскую церковь.

Но вернемся к рассказу. Мальчики ходили с матерью в церковь. Основы православной этики впитаны в них с ее молоком. Садясь напротив церкви, они снимают картузики и ждут отца, переплетя пальцы, чтобы было не так страшно. От страха их избавляет пришедший отец. И они идут по улицам, мягким от пыли, где в городском саду пожарные «отхватывают» вальс. И отец покупает сигару и два пряника. И они молчат, наслаждаясь. Матери, которая приобщала

их к вере, больше нет. За спиной остается церковь с выбитыми стеклами, потемневший жестяной ангел над кладбищенской калиткой. И отец при Любовь Ивановне с «окопом» на голове.

В сущности – это притча о тщете человеческой жизни, от детства до последней черты, с сумасшедшим бегом и медленным восхождением в гору. Только в конце этого пути должен быть храм – неразрушенный и непоруганный.

Для меня это рассказ о пронзительном ощущении одиночества и незащищенности, о последнем счастливом дне детства этих мальчуганов.

Наталия Пряничникова

Автор благодарит Владимира Петровича Алексеева
за предоставленные фотографии

Примечания

[1] Добычин, Леонид. Отец: рассказ // Книжное обозрение.- 1987.- №33.- 14 августа.- С. 126.

[2] Добычин, Л. Город Эн. В кн.: Л. Добычин. Полное собрание сочинений и писем.- СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, ООО «Звезда», 2013.- С. 125.

[3] Там же. С. 85.

[4] Там же. С. 395.

[5] Там же. С. 378.

[6] http//www.ct.uni-ablai.ru/kultura-i-tekat-2015-119. На стр. 38 - добычинский автограф цитируемого места

[7] Брянский Петро-Павловский женский монастырь: [Буклет].- Брянск, б. г. изд.- С. 2.

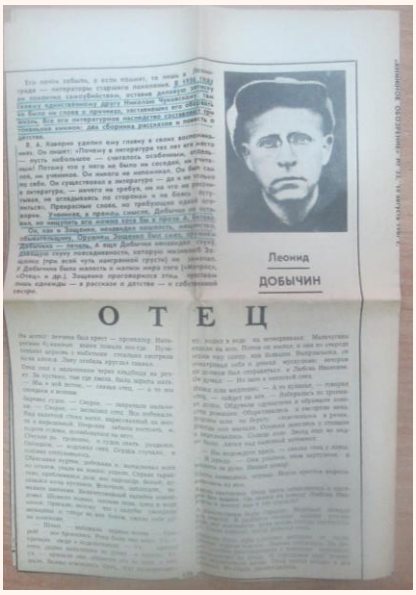
[8] Воробьева, В. История церкви Пресвятой Богородицы в парке-музее им. А.К. Толстого// Брянские миряне.- 2012.- №6.- С. 10.

Список литературы

1. Добычин, Л. Отец: рассказ // Книжное обозрение.- 1987.- №33.- С. 126.

2. Добычин, Л. Полное собрание сочинений и писем / сост. В.С. Бахтин; авт. вступ. стат. А.Ю. Арьев.- СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга; Звезда, 2013.- 544 с.: ил.

3. Голубева, Э.С. Писатель Леонид Добычин и Брянск.- Брянск: Автограф, 2005.- 130 с.



Леонид
ДОБЫЧИН

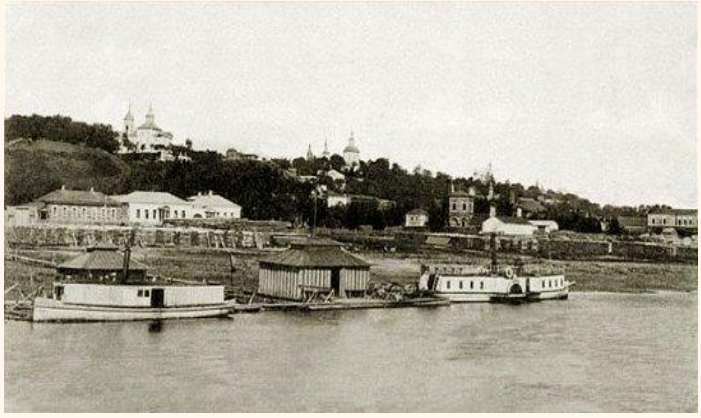
О Т Е Ц

Газета «Книжное обозрение». – 1987.- №33.

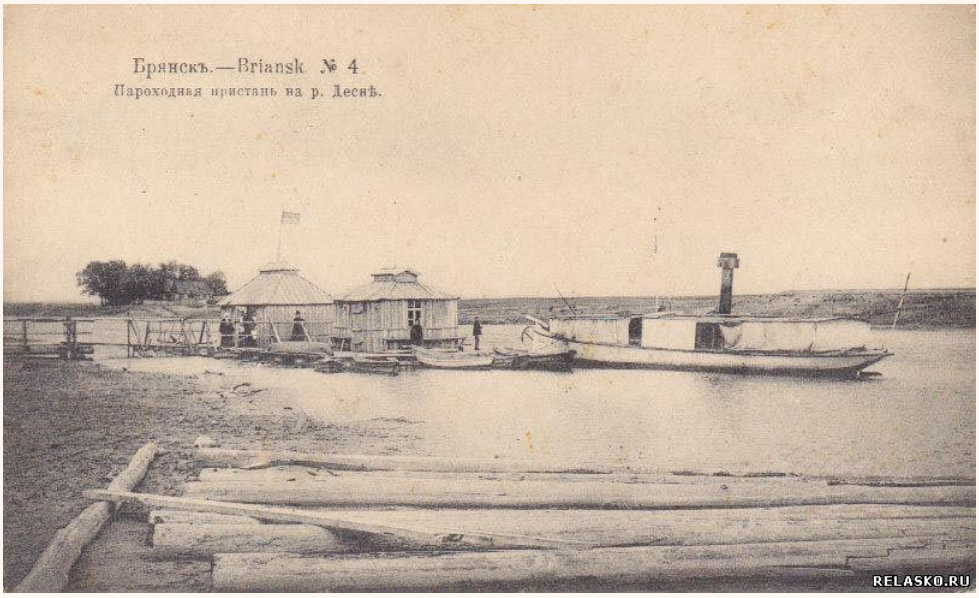
Первая публикация после 1931 года (Сборник «Портрет»)

«Пузатенькая церковь с выбитыми стеклами смотрела из-за кленов»

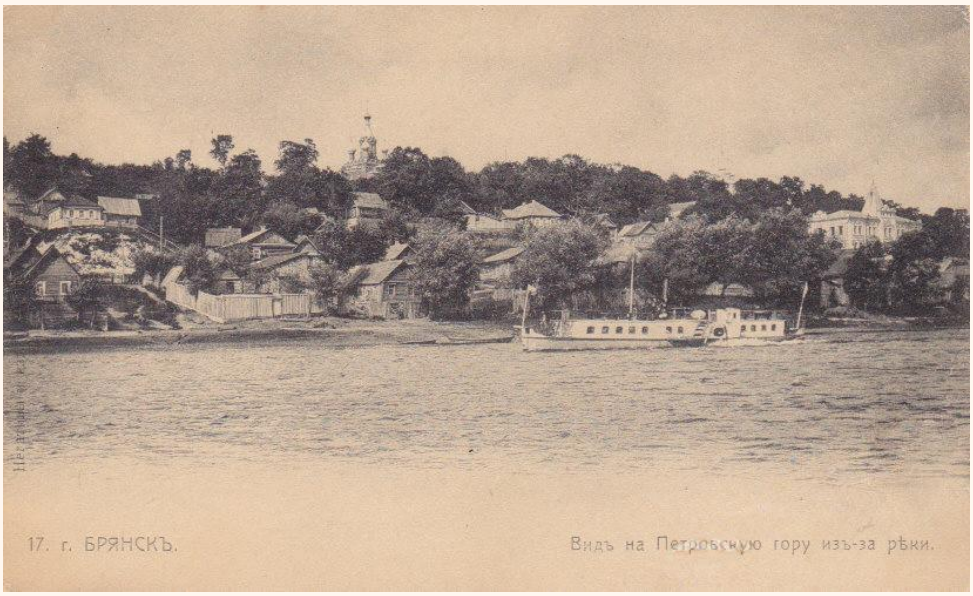
Авиловская гора. Спуск к реке



Пароход на Десне



Пароходная пристань на Десне



Вид на Петровскую гору из-за реки

Деревянные резные иконы Петро-Павловской обители г. Брянска.
Святая Великомученица Параскева и Святитель Николай.
1920-е годы.